

Альберт Зильхарнеев

КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ ДЛЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО МИНИСТРА

«Коренные преобразования в устройстве наших сил, начатые с 1862 г., приводились в исполнение с настойчивой последовательностью в течение ряда лет и привели всю нашу армию и всю нашу военную систему на такую ступень силы и стройности, которая вполне соответствовала высшим государственным задачам», – писал в 1874 г. военный министр-реформатор Дмитрий Алексеевич Милютин¹. Как это, к сожалению, и бывает, настоящим критерием успешности переустройства вооруженных сил стала война, для реформ Милютина – русско-турецкая 1877–1878 гг., которая и выявила достижения и промахи программы либерального министра.

Историк Джон Бушнелл, соавтор ставшего классическим российско-американского издания, посвященного великим реформам, отмечает, что мобилизация и доставка войск к театру военных действий по новым железным дорогам прошли хорошо, в срок и без потерь – военная администрация показала, что ее работа отлажена лучше, чем в любой другой имперской системе. Тем не менее, этого оказалось недостаточно. Разработанный Н.Н. Обручевым стратегический план не был осуществлен; несмотря на численное превосходство и лучшую подготовку, российской армии пришлось вести войну дольше и с большими потерями. Бушнелл считает, что реформы Милютина существенно «не изменили образа действий русской армии в бою, они не вели к пересмотру устаревшей тактики»², а причинами этого, по мнению историка, стали: приверженность идее национальной исключительности в ее военном варианте, недостаток средств и, главное, практика назначения полевого командования, когда с министром не очень-то советовались, самодержец назначал генералов самостоятельно, отнюдь не всегда исходя из их профессиональных качеств.

Реформа военного образования, проведенная Милютиным, позволила хорошо подготовить солдат и офицеров младшего и среднего уровней, но высших генералов она не успела коснуться. «Основные политические, интеллектуальные и социальные особенности императорской России обусловили серьезные недостатки в действии военного механизма», – заключает Бушнелл³. Вопрос об отношениях между государством и армией становится одним из основных и при проведении современной реформы Вооруженных сил России.

ВОЕННЫЕ ГОТОВЯТ **НОВОГО ОФИЦЕРА** – ГОТОВЫ ЛИ ОТВЕТИТЬ **ГРАЖДАНСКИЕ**?

Если исключить как очевидную константу всех реформ вопрос о недостатке средств, то министр обороны А.Э. Сердюков, который сейчас проводит реформы, находится в относительно лучшем положении: идея *национальной исключительности* выходит из моды, а на решение кадровых вопросов у министра фактически имеется *карт-бланш*. Обретение *нового облика* Вооруженных сил осуществляется по всем направлениям,

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
О

и одно из главных – военное образование. Перестройка системы происходит на всех уровнях – от подготовки солдат до внедрения новых программ в Военной академии Генерального штаба. В статье *Военная школа России: состояние и перспективы развития* министр обозначает пять направлений работы, среди которых присутствует «интеграция с гражданской высшей школой». Главная задача состоит в «переходе от массового обучения к подготовке *штучного* специалиста. При этом основной упор будет направлен на формирование у слушателей и курсантов общекультурных, психологических, управленческих, общевоенных и военно-профессиональных компетенций с акцентом на предстоящую профессиональную деятельность выпускников»⁴.

При успешной реализации задач, поставленных министром, российское государство и общество получат нового офицера и армию, которые будут не только соответствовать уровню развития других институтов, но и превосходить их, являться двигателями модернизации страны. Однако представляется, что для реформы армии и ее последующего динамичного развития недостаточно военного кадрового резерва, нужен и *гражданский*. Общество требует от армии соответствовать его потребностям в обороне и безопасности и, более того, предоставлять *комфортные* условия для службы.

Однако будет ли готово само общество, формирующее власть, – прежде всего политическая, интеллектуальная и бизнес-элита – отвечать на справедливые запросы армии, ставить перед ней новые задачи, своевременно подсказывать направления развития и предоставлять необходимые для этого ресурсы, да и вообще интересоваться ее жизнью тогда, когда количество удручающих известий о разных *чз-лэ* значительно снизится? Смею предположить, что сегодня общество, особенно его *элитная* составляющая, к этому не готово, отчасти из-за отсутствия интереса, но больше от недостатка необходимых знаний и навыков взаимодействия с армией, характерных для развитых демократических стран.

Соответствие размера и качества вооруженных сил задачам и возможностям страны зависит от того, насколько гармонично выстроены отношения между, как минимум, тремя элементами: военной структурой, оборонно-промышленным комплексом и всей социально-экономической и политической системой. Ключевой вопрос на сегодня и завтра – как выстроить это взаимодействие? Однако для того, чтобы ответить на него, мало быть даже самым искусным политиком и мало одного гражданского министра обороны.

Поступательному и устойчивому развитию армии нужна постоянная общественная и экспертная поддержка. И речь, конечно, идет не о безоговорочном согласии со всеми шагами министра, *патриотическом воспитании* школьников или спонсорских подарках воинским частям. Отношениям армии и общества и, особенно, армии и экономики нужны *интеллектуальная подпитка* и место для профессионального диалога гражданских и военных экспертов. Сегодня у наших Вооруженных сил такой поддержки нет, и людей, которые ее могут осуществить, исключительно мало.

Военный министр Д.А. Милютин находился под огнем не меньшей критики и злословия, чем министр обороны А.Э. Сердюков. 1860-е гг. – время общественного подъема и *гласности*, оппоненты не жалели друг друга в *информационной войне*. Атака консерваторов на Милютина была мощной и всесторонней, поскольку военные реформы затрагивали основы социальной организации России. Против были и многие прославленные военачальники, среди которых и поборник *исторических* основ и *дворянской идеи* генерал Р.А. Фадеев, сам усмиритель Кавказа, взявший в плен Шамиля, друг императора князь А.И. Барятинский, покоритель Ташкента М.Г. Черняев и *освободитель Болгарии*, генерал, шедший впереди войска на белом коне и в белом мундире, легендарный М.Д. Скобелев.

Несмотря на все это сопротивление, Д.А. Милютину и его сподвижникам удалось построить систему, существовавшую до 1917 г. Даже в период контрреформ 1880-х гг. военная сфера *пострадала* менее всех других (были сокращены льготы для призывников по образованию, а военные гимназии вновь преобразованы в кадетские корпуса), более того, на базе созданной системы происходило укрепление и перевооружение и флота,

и сухопутных сил. Правда, самому министру пришлось уйти сразу после восшествия на престол Александра III.

Можно отметить лишь два фактора, способствовавших успеху Милютина в борьбе с *консерваторами* и устойчивости его достижений. Первый – взаимодействие военных с другими *группировками* во власти и обществе. В период царствования Александра II впервые в истории самодержавия на политической арене появляются группировки, представляющие определенные, достаточно широкие интересы. Историк Альфред Рибер, который и сделал это открытие, считает, что «политические группировки, продолжая оставаться принадлежностью правящей элиты, формировались из представителей высшего и среднего слоев общества, стремящихся защищать и отстаивать те направления в общественной и политической жизни, которые соответствовали их идеологическим убеждениям»⁵. Рибер в середине 1860-х гг. выделяет четыре такие партии, группирующиеся вокруг своих неформальных лидеров: *экономистов*, контролирующих финансовую сферу, *инженеров*, возглавлявших Министерство путей сообщения и отвечавших за железнодорожное строительство, *военных* во главе с Д.А. Милютиным и *фракцию П.А. Шувалова*, по сути – противников значительных реформ, стремившихся сохранить устаревшую социальную систему. Все эти группы боролись за государственные ресурсы, а особенно за влияние на государя. Тем не менее, они имели интересы не только конфликтующие, но и общие.

В союзе с *инженерами военным* удалось отстоять строительство железных дорог, имеющих не только экономическое, но и стратегическое значение, а в сотрудничестве с *экономистами* выиграть схватку с *консерваторами* за реформу образования, в том числе военного. То есть Д.А. Милютин в борьбе за осуществление своих главных целей действовал не один, не только при поддержке своих соратников в военном министерстве, но мог опираться на представителей экономической и политической элиты, принадлежащих к другим *профессиональным* сферам, и подпитываемых ими *представителей общественности*.

Проблема управления в пореформенной России заключалась в том, что не было органа, ни государственного, ни общественного, ни экспертно-аналитического, который бы мог гармонизировать интересы всех групп. Комитет министров и Совет министров этой роли не выполняли, а император уже был не в силах контролировать всю бюрократию огромной империи. Тем не менее, даже в *маневрах под ковром* Милютину удавалось находить союзников и проводить необходимые решения.

Второй фактор, способствовавший устойчивости преобразований – формирование бюрократии, которая сначала поддерживала реформы, а потом, не желая ничего менять, закрепила их результаты. Александр III мог в первые месяцы своего правления убрать реформаторов со всех высших постов, но он не мог заменить всех чиновников, иначе бы парализовал работу всего государственного механизма. «Чиновники среднего звена слишком глубоко внедрили в аппарат Государственного совета, министерств, в университеты, земства и редакции газет и журналов. Заняв эти плацдармы, они сопротивлялись, уклонялись от проведения контрреформ, тормозили этот процесс, точно так же, как их противники двадцатью годами раньше пытались противостоять реформам»⁶.

В России 1990-х гг. *военным, экономистам и инженерам* так и не удалось найти ни общие сферы интересов (не говорим о том, где они смыкались ради доказанных и недоказанных хищений), ни осуществить совместные проекты. Победив самых бескомпромиссных *консерваторов – партократов*, без всякой общей пользы они боролись за фактически неконтролируемые государственные ресурсы и влияние на *президента всея Руси*. Бывшие *красные директора*, командовавшие *оборонкой*, и генералы, прошедшие через Афганистан и Чечню, имели опыт и заслуженный авторитет, но не очень-то прислушались к советам, а те, кого они пренебрежительно именовали *мальчиками в розовых штанишках*, молодые *экономисты*, имели идеи, но не владели техникой бюрократической работы, да и, скорее всего, не испытывали особого интереса и пиетета к делам армейским и флотским, распознав совсем другие опоры *российского могущества*. Иных уж нет, другие, побывав в политике, вернулись кто к военной службе, а кто к бизнесу в государственных или частных корпорациях. Министерство обороны не смогло само

себя реформировать, межведомственные комиссии при отсутствии интереса к их работе не приносили серьезных результатов⁷, предложения Совета безопасности носили ограниченный характер. Между тем, российская армия прошла через две тяжелейшие войны на своей территории и множество локальных конфликтов за рубежом, а общество относилось к вооруженным силам то с жалостью, то с пренебрежением, то со страхом попасть в их ряды. Лишь после новой войны в августе 2008 г., победа в которой досталась скорее *характером*, чем искусством и технологиями, власти приступили к настоящим реформам.

Россия сегодня – не самодержавная страна, и на дворе не *лихие девяностые*. Имеются, хотя и ограниченные, ресурсы, существует, хотя и несовершенная, политическая система, позволяющая проводить реформы, есть, хотя и уязвимые и хрупкие, стремление и воля прийти к *новому облику Вооруженных сил*. Но нет механизма, который бы превратил реформу из разового, пусть и масштабного, проекта в постоянную работу по совершенствованию вооруженных сил.

Можно согласиться с В.В. Шлыковым в том, что армию делают профессиональной либо *война и подвиг*, но с большими потерями, либо образование⁸ и, можно еще добавить, наука. Сегодня в армии не хватает офицеров, готовых воспринять изменения и не только работать в новых условиях, но и создавать их. У Министерства обороны есть план подготовки таких офицеров, возможно, несовершенный и вызывающий критику, но есть, и он четко изложен.

У общества плана подготовки специалистов, готовых работать с армией, нет. Развитие армии, гармонично сочетающееся с развитием всей страны, невозможно без гражданских специалистов, которые бы оценивали состояние вооруженных сил, определяли цели, ресурсы и перспективы их развития, задачи, которые перед ними должны ставиться политической властью. Сегодня стоит вопрос об использовании мирового опыта в реформировании вооруженных сил, но только единицы отставных офицеров занимаются этим вопросом, и некому внести конструктивные предложения министру или своевременно и аргументированно, показав ошибки других, предостеречь его от того или иного решения. На еще более острый вопрос о том, каким должен быть оборонно-промышленный комплекс для того, чтобы соответствовать и военным, и экономическим интересам страны, тоже нет ответа, и требуются большие исследования. В общем, необходимы *гражданские специалисты*, которые смогут продуцировать идеи для оборонной политики и обеспечить профессиональный диалог с армией. И эти люди не могут работать в одиночку, масштаб необходимой экспертизы и квалифицированного общественного контроля требует создания исследовательских центров и общественных институтов, однако прежде необходимо вырастить специалистов, которые смогут в них работать.

Откуда же могут появиться эти гражданские молодые специалисты с глубокими знаниями и широким кругозором? Вузы Министерства обороны, даже после завершения преобразований и внедрения новых программ, продолжают выпускать прежде всего военных, офицеров, которые направляются в части или продолжают исследования в своей сфере. Военные кафедры и военные учебные центры ведущих гражданских вузов также готовят военных специалистов, которые уйдут в запас или на действующую службу и будут владеть тактическими знаниями, оружием, строевыми приемами и специализироваться в более узких областях. В некоторых университетах открыта специальность «Военная экономика», но речь скорее идет об экономике воинской части, чем о военном строительстве в национальном масштабе. Сегодня только один курс «Экономические аспекты строительства вооруженных сил зарубежных стран» читается на кафедре мировой политики ГУ ВШЭ профессором В.В. Шлыковым. Кроме того, есть несколько курсов по вопросам военной стратегии, управления и политики на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Но этого, очевидно, недостаточно для того, чтобы появились группы молодых ученых и *общественников*, которые смогут создать центры, влияющие на оборонную политику страны.

Что делать, что у нас для этого есть и чего нет?

ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ – РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНЧЕСКОГО ОПЫТА

Более 15 лет назад на постсоветском пространстве стояла чуть менее масштабная проблема, требующая, однако, решения в интересах стратегической стабильности и ядерной безопасности – не существовало современной системы подготовки специалистов и экспертов в сфере ядерного нераспространения, как не было и квалифицированной информационной работы по этой теме. Казалось бы, ключевая для страны область – в ней работают тысячи специалистов крупных министерств, вузы готовят инженеров, военных, дипломатов, существуют академические институты, работающие по теме, сотрудники которых вскоре составят костяк неправительственного экспертного сообщества (в области военного строительства таких ученых гораздо меньше) – но нет независимой площадки для совместной работы ведущих специалистов каждого из этих направлений, и нет механизма того, как привлекать молодых экспертов, а значит, производить и отбирать новые идеи.

Сегодня такая динамичная система есть, существуют авторитетные издания, проводятся образовательные программы, позволяющие не только повышать квалификацию, но и отбирать молодые таланты, мотивировать их и предоставлять возможности для роста. Ключевую роль в создании такой системы сыграли неправительственные организации, наиболее известную из которых, ПИР-Центр, имею честь представлять. Однако появление таких организаций было бы невозможно без тесного взаимодействия их создателей с ведущими вузами и научными центрами и поддержки наиболее *прогрессивных* представителей политического, военного и дипломатического истеблишмента.

Итак, каковы составляющие того, что в новой России появилось и сегодня плодотворно работает и пополняется молодыми кадрами профессиональное экспертное сообщество в сфере ядерного нераспространения и контроля над вооружениями?

Первое – это появление российских (ПИР-Центр, Ассоциация содействия нераспространению и др.) и представительств зарубежных независимых неправительственных организаций (Московский центр Карнеги и др.).

Второе – тесное взаимодействие этих НПО с ведущими научными центрами (ИМЭМО, ИСК РАН и др.), вузами (МГИМО, МИФИ, ГУ ВШЭ, региональные университеты).

Третье – инициирование и участие в широком международном сотрудничестве, тесное взаимодействие с зарубежными научными и образовательными центрами (Центр исследования проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Женевский центр политики безопасности и др.), фондами (Макартуров, Форда, Сокращения ядерной угрозы, Плаушерс, Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке и др.), иностранными правительствами и международными организациями (ООН, МАГАТЭ, МНТЦ и др.).

Четвертое – развитие образовательных программ с целью формирования нового поколения специалистов и экспертов, направленных на вовлечение в научную и учебную работу молодых людей со всей России.

Пятое, результирующее, – формирование региональных, национальной и международной *сетей* специалистов в области ядерного нераспространения, объединяющих опытных и молодых дипломатов, офицеров, исследователей, готовых предложить совместно выработанные идеи и подходы и донести эту информацию до политического и военного сообществ.

Большинство молодых людей, окончив вуз, аспирантуру или пройдя стажировку, отходят от темы и продолжают работать в других сферах государственной службы, бизнеса или науки. Они остаются грамотными, критически мыслящими *пользователями* информации, активными членами общества, осмысленно выбирающими власть. Меньшинство, но как раз те, кто необходимы, остаются в *сети* и продолжают работать на профессиональном уровне, как в сфере ядерной политики, так и в других областях международной безопасности.

Можно ли применить этот опыт для формирования кадрового резерва, появления творческих групп и отечественных научных центров, поддерживающих государственное военное строительство? Полагаю, что можно, и более того, при небольших усилиях результаты могут дать знать о себе достаточно скоро.

В сфере военно-экономического и военно-политического анализа для этого есть практически все составляющие.

Первая и главная – есть молодые люди, которые хотят и могут работать в этом направлении, но пока не знают, куда обратиться, особенно те, кто обучаются в российских регионах. *Нераспространенческая образовательная сеть* отчасти оттого так популярна среди молодых международников по всей стране, что она является одной из немногих *открытых возможностей* для подключения к *взрослому* экспертному сообществу и самореализации в интересной им сфере международной безопасности.

Военное строительство – тема не менее захватывающая, при этом доступная студентам и аспирантам, проходящим обучение по гораздо большему числу специальностей, так как затрагивает все сферы жизни от финансов и медицины до физики и политики. Военная реформа – это колоссальный проект, который вдохновляет, а отнюдь не только разочаровывает. Грамотные молодые люди, имеющие здоровые амбиции и стремящиеся реализовать себя в государственной, общественной или научной жизни, найдут здесь массу возможностей для самореализации. И не надо полагать, что *государственное мышление* свойственно только отставным генералам или марширующим по улицам активистам какого-нибудь движения. Причастность к большим государственным делам, важность и значение которых очевидны, для многих является стимулом отнюдь не меньшим, чем зарплаты в бизнесе. Остается лишь не потерять энергию и интеллект этих молодых людей.

Вторая составляющая – в России существуют несколько гражданских академических институтов, ведущих исследования в близких к военным областях, и независимые частные или общественные аналитические центры, к которым можно отнести менее активный, чем раньше, Совет по внешней и оборонной политике, Институт военного и политического анализа, Лабораторию военной экономики Института Гайдара и др. Потенциал этих центров до последнего времени не был востребован военными, а сегодня оказалось, что его уже недостаточно для аналитической поддержки и продвижения реформы. Тем не менее, общение с экспертами, которые здесь работают было бы весьма полезным для широкого круга начинающих специалистов, тем более что образовательно-просветительская деятельность этих институтов весьма ограничена и почти не выходит за пределы Москвы.

Третья часть – в России есть сильные региональные университеты, многие студенты которых по уровню подготовки не уступают учащимся столичных вузов. Это Санкт-Петербургский, Томский, Уральский, Нижегородский, Дальневосточный, Южный и другие государственные и федеральные университеты. Региональные высшие учебные заведения давно привыкли жить самостоятельно, там работают активные люди, разрабатывающие оригинальные методики преподавания. Если говорить об образовании в области международной безопасности, то эти вузы имели две проблемы – ограниченные ресурсы (в сравнении с московскими университетами) и отсутствие постоянного прямого доступа к тем, кто занимается прикладными исследованиями и консультирует органы власти или раньше работал в них. Здесь может быть сильная историческая, языковая, теоретическая подготовка, но в силу удаленности от столицы – мало *практики*. Сегодня появляются возможности для решения этих вопросов. Во-первых, сегодня новые вузы, федеральные и исследовательские университеты начинают получать значительные государственные гранты, в частности, на привлечение ведущих российских и иностранных ученых⁹. Поскольку изучение иностранного опыта военного строительства остается одним из слабых мест, то вузы и московские аналитические центры могут вместе привлекать и вести совместную научно-образовательную работу с иностранными экспертами. Во-вторых, развитие интернета и других технологий коммуникации, при наличии должного финансирования, позволяет вузам вести совместные исследовательские и образовательные проекты с московскими аналитическими центрами. Необходимо отметить,

что выход на региональные университеты отнюдь не закрывает дорогу к сотрудничеству с московскими вузами.

Таким образом, предпосылки для развития образования и появления исследовательских центров в области военной экономики и военного строительства существуют. Для того чтобы они появились, необходимо вести системную работу, вводить учебные программы, создавать сообщества молодых ученых, которые завтра превратятся в научные школы и влиятельные общественные институты. Однако есть вопрос о том, *кто* будет вести эту системную работу? Конечно, можно найти самые разные ответы на эти вопросы, одним из оптимальных вариантов является деятельность неправительственных организаций.

NON MULTA, SED MULTUM И LIBERUM ARBITRIUM¹⁰

Стоит обратить отдельное внимание на то, почему именно неправительственные организации стали наиболее активными, *системообразующими* элементами образовательной и научной *сети* в сфере ядерного нераспространения и международной безопасности. Кратко ответ сформулирован в девизах двух основных отечественных неправительственных организаций, ведущих образовательную деятельность в сфере международных отношений, – ПИР-Центра и Научно-образовательного форума по международным отношениям: *Non multa, sed multum* – «не много, но многое» и *Liberum arbitrium* – «свобода воли». То есть небольшие по штату и ресурсам, а поэтому выстраивающие работу таким образом, чтобы достичь максимальных результатов при минимальных издержках, что невозможно без творческого решения любой задачи, независимые, а значит, свободные в определении программ и подходов и готовые предложить взвешенную профессиональную аналитику.

Здесь как нигде достигается эффект от синергии научной, образовательной, информационной работы, творческой энергии молодых людей и опыта старших коллег. Открытость, мобильность, эффективность затрат являются чертами, без которых образовательная НПО не сможет существовать. Прозрачность системы отбора слушателей и высокий конкурс на участие в программах, возможность для общения с представителями государственных ведомств и ведущими экспертами, коллегами из стран СНГ, уникальная среда для обмена опытом и идеями, широкие международные связи, возможность получить первый опыт профессиональной ответственной аналитической работы – вот то, что привлекает к сотрудничеству с НПО и талантливых амбициозных молодых людей, и экспертов, и высоких представителей власти. Безусловно, ресурсы НПО ограничены, и вряд ли западные грантодатели станут финансировать исследования и образование в области российского военного строительства. Но растут возможности российских государственных, общественных и частных фондов. Поддержка формирования нового, первого поколения гражданских экспертов и других специалистов, занимающихся вопросами военного строительства, станет их реальным вкладом в модернизацию страны.

Военной реформе, а точнее, развитию военной организации страны нужны новаторские идеи и союзники – в экспертном сообществе, бизнесе, науке, политике. Не нужны крикуны и глашатаи, необходимы грамотные специалисты, готовые построить сбалансированные отношения между военной и гражданской составляющими общества. Такие люди в России есть. Сегодня это студенты и аспиранты, *кочующие* по научно-практическим конференциям, летним школам и стажировкам. Если построить с ними работу, то завтра они не пополнят ряды *работающих не по специальности*, а станут надежной опорой динамичного развития страны и ее Вооруженных сил.

Примечания

¹ Цит. по: Бушнелл Джон. Д. Милютин и Балканская война: испытание военной реформы. *Великие реформы в России. 1856–1874*. М.: Издательство Московского университета, 1992. С. 252.

² Там же. С. 252.

³ Там же.

⁴ Сердюков А.Э. Военная школа России: состояние и перспективы развития. Сайт Министерства обороны РФ. 17 ноября 2010 г. http://www.mil.ru/847/851/publications_1/12671/index.shtml?id=76658 (последнее посещение – 21 ноября 2010 г.).

⁵ Рибер Альфред Дж. Групповые интересы вокруг великих реформ. *Великие реформы в России. 1856–1874*. М.: Издательство Московского университета, 1992. С. 44–73. Тема получила развитие в новой книге российского историка А.В. Ремнева, см.: Ремнев А.В.. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010.

⁶ Рибер Альфред Дж. Цит. соч. С. 68–70.

⁷ Выступление генерал-полковника в отставке В.И. Есина, секретаря правительственной комиссии по военной реформе 1997–1999 гг., на семинаре цикла «Научные среды» «Мировой опыт и военная реформа в России» 17 ноября 2010 г. Москва, ПИР-Центр.

⁸ Профессионал в армии – это человек, управляющий насилием. Интервью с В.В. Шлыковым. *Русский Репортер*. 2010, 23 сентября. № 37 (165) <http://www.rusrep.ru/article/2010/09/25/10military> (последнее посещение – 21 ноября 2010 г.).

⁹ Постановление Правительства РФ № 220 от 9 апреля 2010 г. «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования».

¹⁰ *Non multa, sed multum* – не много, но многое, *Liberum arbitrium* – свобода воли.